

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕЙХСКАНЦЛЕРА И РЕЙХСТАГА В ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

С. В. Солодовникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 мая 2024 г.

Аннотация: статья посвящена изменению характера взаимодействия между двумя полюсами силы политической системы Германской империи – рейхсканцлером и рейхстагом, а также анализу факторов, определявших эти изменения, и последствий данной трансформации для дальнейшего развития страны.

Ключевые слова: Германская империя, вильгельмианская эпоха, рейхсканцлер, рейхстаг, эволюция политических институтов.

Abstract: the article is devoted to the change in the nature of interaction between the two poles of power of the political system of the German Empire – the Reich Chancellor and the Reichstag, as well as an analysis of the factors that determined these changes and the consequences of this transformation for the further development of the country.

Key words: German Empire, Wilhelmian era, Reich Chancellor, Reichstag, evolution of political institutions.

В определении внутренней и внешней политики Германской империи (1871–1918 гг.) ключевую роль играли взаимоотношения между имперским канцлером и рейхстагом. Это было задано механизмом функционирования политической системы страны, установленным конституцией 16 апреля 1871 г. Однако данные взаимоотношения не были константой, они существенным образом трансформировались под воздействием целого ряда факторов. К ним можно отнести:

- взаимоотношения рейхсканцлера и кайзера;
- баланс сил внутри рейхстага и за его пределами – как в партийно-политической, так и в общественной жизни;
- политическое кредо того или иного рейхсканцлера, его видение роли законодательного учреждения в государстве и отношение к конституции;
- спектр тех проблем, которые составляли внутри- и внешнеполитическую повестку жизни германского государства.

На отношения между кайзером и его рейхсканцлером влияли как их личные симпатии и антипатии, так и те правовые рамки, в которых они действовали. Конституция закрепляла за кайзером традиционные для того времени полномочия – он выступал в качестве главы исполнительной власти, имел право созыва, открытия и роспуска рейхстага и Союзного совета, обладал законодательной инициативой, а

также назначал и смещал высших должностных лиц империи, являлся главнокомандующим. Также ему принадлежали некоторые полномочия, выходящие за эти рамки – так, он мог при необходимости интерпретировать конституцию. Таким образом, большинство властных рычагов находилось в руках главы государства, по крайней мере, формально, и от того, как кайзер считал необходимым ими распоряжаться, насколько он претендовал на действительно определяющую роль, зависела расстановка сил и фигур на шахматной доске германской политики.

Вильгельм I был провозглашен императором в возрасте 74 лет. В качестве наследника прусского престола он пережил революцию 1848–1849 гг., в ходе которой получил прозвище «карточного принца» (он выступал за жесткое подавление волнений), с 1858 г. (т. е. в возрасте 61 года) стал регентом Пруссии вследствие душевной болезни своего царствующего брата Фридриха Вильгельма IV, а в 1861 г. вступил на престол. Уже в 1862 г. разразился знаменитый прусский конституционный конфликт, и именно с того времени министром-президентом королевства стал Отто фон Бисмарк. Дальнейшее правление Вильгельма I проходило под его сильным влиянием. В тандеме король – министр-президент и позднее кайзер – рейхсканцлер Вильгельм I в значительной мере уступил первенство в сфере публичной политики Бисмарку. Этому способствовали как выдающиеся способности последнего к государственной деятельности и его дипломатический опыт, так и состояние здоровья Вильгельма I, усугубившееся с конца 1870-х гг.

Фридрих III, царствовавший в течение всего трех месяцев, будучи смертельно больным, не имел времени и возможности что-либо кардинально изменить в отношениях с рейхсканцлером. В «Мыслях и воспоминаниях» О. фон Бисмарк отмечал, что в целом эти отношения были весьма доверительными с периода династических войн [1, с. 273]. В то же время он подчеркивал сильное влияние на кронпринца, а позднее императора его супруги Виктории Адельгейды, старшей дочери королевы Виктории.

Ее влияние сказалось и на формировании характера последнего императора Германии Вильгельма II. Честолюбие матери на фоне проблем физического развития, сопровождавших его в детстве, сформировало в нем стремление к первенствующей роли в публичной политике, что исключало возможность длительного сотрудничества с О. фон Бисмарком.

В целом, в течение всей своей государственной деятельности первый рейхсканцлер взаимодействовал преимущественно с Вильгельмом I, находившимся под его влиянием и предоставившим ему в значительной степени свободу действий. Возможность опереться на поддержку монарха была важна для выстраивания отношений с законодательными учреждениями.

Так, уже на первых порах своего пребывания на посту министра – президента Пруссии Бисмарк столкнулся с противостоянием со стороны прусского ландтага, не утверждавшего бюджет государства, и разрешил данный конфликт силовыми средствами – с одной стороны, игнорируя отсутствие утвержденного бюджета, а с другой – открыв череду династических войн, в результате которых Пруссия вытеснила Австрию из процесса объединения германских государств. Внешнеполитические успехи способствовали примирению Бисмарка с умеренно-либеральным крылом ландтага.

В системе организации политических институтов Германской империи ему приходилось взаимодействовать с рейхстагом, исходя из несколько иных реалий. Он по-прежнему опирался на последовательную поддержку Вильгельма I, но манипулировать имперским парламентом было сложнее, чем прусским ландтагом.

Согласно конституции, назначаемому кайзером имперскому канцлеру принадлежала особая роль. Он являлся председателем бундесрата, и в случае равенства голосов его голос становился решающим при одобрении законопроектов (ст. 4). Также рейхсканцлер подписывал постановления императора, принимая тем самым на себя ответственность за них [2, с. 32].

Рейхстаг тоже играл важную роль в политической системе страны. Его авторитет опирался, прежде всего, на порядок формирования – на основе всеоб-

щего избирательного права для мужчин с 21 года. Поэтому чрезвычайно большое влияние на его состав оказывали настроения избирателей, а также вовлеченность в политическую жизнь представителей различных социальных слоев. На протяжении всего периода существования Германской империи этот показатель рос. Если в 1871 г. в выборах в рейхстаг приняли участие 50,7 % избирателей, то в 1912 г. уже 84,5 % [3, S. 15].

Консерваторы набирали стабильно около 12 % голосов, имперские консерваторы – от 10 (в 1871 г.) до 3 % (в 1912 г.). Это падение не было непрерывным. Центр изначально мог рассчитывать на каждого пятого избирателя в стране, в период культуркампфа его популярность достигла пика, уступив место некоторому спаду в дальнейшем. В 1912 г. Центр собрал лишь 16,4 % голосов избирателей. Умеренные либералы в 1871 г. могли опереться на 2/5 электората, с 1877 г. их популярность стала падать, и в 1912 г. они получили лишь 14 %. Большую амплитуду показало изменение популярности левых либералов. В 1871 г. они завоевали 9 % голосов, в 1884 г. удвоили число сторонников, затем потеряли часть электората, добившись успеха затем в 1890 г. Далее их популярность вновь упала, и в 1903 г. они смогли получить лишь 9 % голосов, а в 1912 г. – 12,2 %. Социал-демократы стали единственной силой, которая демонстрировала непрерывный рост числа сторонников с 3,2 до 34,8 %. Самый существенный шаг вперед они сделали в 1887–1890 гг., увеличив количество поданных голосов с 10,1 до 19,7 % [Ibid., S. 17]. Тогда СДПГ стала одной из наиболее мощных политических сил в Германии.

Парламентская система Второй империи в Германии обладала значительной самостоятельностью и влиянием на развитие политических процессов в стране. Об этом свидетельствует ряд обстоятельств:

– широкий перечень вопросов, подлежавших законодательному регулированию (в этом отношении Германия не представляла собой исключение, демонстрируя классический набор полномочий законодательного учреждения своего времени);

– проходя обсуждение, практически каждый законопроект подвергался редактированию, подчас существенному;

– бундесрат чаще всего поддерживал нижнюю палату, несмотря на то, что его принято рассматривать в качестве консервативной надстройки парламентской системы в Германии.

Чаще всего законопроекты разрабатывались бюрократическими учреждениями империи и первоначально обсуждались в Союзном совете (что не предусматривалось конституцией, но и не противоречило ей, выступая в качестве сложившейся практики) как предложение рейхсканцлера. Получив поддержку, они поступали в рейхстаг и, как правило, существенно

правились. Это требовало нового согласования с бундесратом, которое в большинстве случаев проходило беспрепятственно [4, S. 21]. Так, например, в 1874 г. рейхстаг смягчил первоначальный текст закона о прессе, в 1875 г. отклонил включение новых статей, направленных против социалистов, в Уголовный кодекс, провалил установление табачной монополии в 1882 г. и монополии на спиртные напитки в 1886 г., а также совершенно переформулировал в 1881–1884 гг. законопроект о страховании от несчастных случаев на производстве.

Вместе с тем, Союзный совет становился бескомпромиссным, когда речь шла о покушении на безопасность государства, конституционный порядок или изменение статуса кво в социальных отношениях. В таких случаях он принимал решение о роспуске рейхстага и проведении досрочных выборов – например, в 1878 г. во время борьбы вокруг «исключительного закона» против социалистов, в 1887 и 1893 гг. при обсуждении военного бюджета. Как правило, выборы давали возможность сформировать проправительственное большинство и в этом смысле общество оказывало поддержку исполнительной власти, располагая всеобщим избирательным правом для мужчин с 25 лет. Эта поддержка была выражением доверия к рейхсканцлеру и его политике.

В первые 12 лет существования рейхстага в нем преобладали либералы, и Бисмарк ощущал себя стесненным ими. Когда же либерализм в силу ряда причин потерял свое влияние, имперский канцлер вовсе не стал свободнее в своих маневрах. Партии, критически относившиеся к нему и доминировавшие в 1881 и 1884 гг., не были едины во всех вопросах. Управление меняющимся большинством было крайне сложной задачей, так что Бисмарк желал бы, чтобы парламент был менее силен. В итоге он высказал мнение, что рейхстаг – «лишь оковы при осуществлении наших важнейших интересов» [1].

Роспуск рейхстага в 1887 г. предоставил Бисмарку возможность ослабить оппозицию. Консерваторы, свободные консерваторы и национал-либералы, которые в спорных вопросах выступали на стороне канцлера, образовали так называемый картель, поддерживали друг друга на выборах и смогли создать подавляющее большинство в рейхстаге – 220 мест.

Преемники Бисмарка также были вынуждены считаться с рейхстагом. На возникающие периодически сложности они реагировали более трезво, чем первый канцлер, который вследствие своих заслуг в создании империи и в силу своего характера претендовал на главенствующую роль. Лео фон Каприви (1831–1899 гг.), Хлодвиг цу Шиллинсфюрст-Гогенлоэ (1819–1901 гг.), Бернхард фон Бюлов и Теобальд фон Бетман-Гольвег (1856–1921 гг.) оказались в более предпочтительном положении в плане отношений с

большинством, чем Бисмарк. Обе консервативные партии, правое крыло национал-либералов и проправительственно настроенный после завершения культуркампа Центр более 20 лет имели большинство в парламенте. Они получали минимум 226 мест (в 1903 г.), а максимум – 249 мест (1893 г.). На выборах 1912 г. эти 4 партии получили только 193 мандата [4, S. 91], но под влиянием мелких правых группировок в рейхстаге по-прежнему преобладало право-либерально-консервативное большинство. Вместе с тем, позиции фракций по различным вопросам существенно расходились, что делало их союз непрочным. Однако в целом дистанция между имперским руководством и парламентом была меньше, чем в 1867–1886 гг.

При этом отношение к парламентской системе германских элит было неоднозначным. 1890-е гг. стали временем, когда сложился режим личного правления Вильгельма II, опираясь на который, он стремился преодолеть ограничения, поставленные перед монархической властью бисмарковской конституцией. Император без особого пиетета относился к рейхстагу, называя его в частных беседах «собачьей будкой». Усиление роли рейхстага представлялось монарху национальной катастрофой и республиканизацией. Его ближайшее окружение отличали консервативные и ультраконсервативные взгляды, одним из выразителей которых выступал германский посол в Вене, личный друг Вильгельма Филипп цу Эйленбург. Наряду с некоторыми родственниками, он оказывал на кайзера сильное влияние.

Преемником Бисмарка на посту рейхсканцлера стал глава адмиралтейства генерал Георг Лео фон Каприви, новичок в политике, имевший за спиной блестящую военную карьеру. Так Вильгельм рассчитывал перехватить политическую инициативу у канцлера, что было практически невозможно при Бисмарке. Впрочем, отношения императора с Каприви не были безоблачными – Вильгельм столкнулся с открытым противодействием главы адмиралтейства, когда попытался его реорганизовать в 1888 г. в обход действующего законодательства [5, S. 43]. Рейхсканцлер Каприви кайзер поддерживал, несмотря на его непопулярность в обществе и политических элитах, в течение нескольких лет, и его отставка стала в значительной мере результатом интриг в ближайшем окружении Вильгельма.

Каприви считал главной функцией канцлера выступать посредником между парламентом и короной. Поэтому для генерала было невозможным авторитарно в стиле Бисмарка навязывать рейхстагу свою политическую волю. Он проводил новый реформистский курс, надеясь привлечь на свою сторону все политические партии – не только консерваторов и национал-либералов, но и центр, свободомыслящих

и даже социал-демократов. Учитывая, что Каприви был военным, не имел партийных связей и предпочтений, в начале его пребывания на посту рейхсканцлера данная цель выглядела вполне перспективно. У него не было постоянной поддержки каких-то крупных партий, но за счет умелого маневрирования он добивался согласия с коалициями различных политических сил, чтобы обеспечить проведение через рейхстаг необходимых законопроектов.

Его начинания в сфере социальной политики представляли интерес для социал-демократов и Центра. Почву для компромисса с этими силами составили две его инициативы – отказ от продления исключительного закона против социалистов и возмещение ущерба католической церкви за замороженные в ходе культуркампфа средства.

В правительственной декларации он заявил о намерении учитывать, как любой шаг его кабинета повлияет на «социал-демократический вопрос» [6, S. 55]. Эта позиция была созвучна намерению кайзера нейтрализовать революционную опасность, исходящую от социал-демократов иными, чем Бисмарк, средствами. К таким мерам относились запрет работы по воскресеньям, труда детей младше 14 лет, ограничение рабочего дня для молодежи до 16 лет десятью часами, для женщин – одиннадцатью часами.

Вторым важным этапом социального законодательства стало создание так называемого третейского суда, который впервые посадил за стол переговоров предпринимателей и рабочих для разрешения конфликтов. Важное значение в пакете социальных преобразований принадлежало и налоговой реформе. Новый прогрессивный налог с доходов окончательно рассорил Каприви с консерваторами и соответствовал интересам экономически слабейших слоев общества.

Вслед за налоговой реформой Каприви попытался демократизировать прусскую трехклассную избирательную систему, а также провести окружную реформу, предусматривавшую развитие системы местного самоуправления и вовлечение в политическую жизнь порядка 200 тыс. граждан. В них он надеялся увидеть одну из опор государства.

Однако попытка демократизации прусской трехклассной избирательной системы провалилась, натолкнувшись на цепкое сопротивление консерваторов. Политика классового примирения Каприви казалась более успешной, что проявлялось в расширении успехов социал-демократов на выборах и их постепенном отходе от революционной теории, повороте к ревизионизму Э. Бернштейна. СДПГ увидела, что завоевание власти вполне доступно мирным путем, через избирательное право. Социал-демократы поддерживали «новый курс» Каприви не только в рейхстаге, но и на страницах своей прессы (например, Франц Меринг в «*Neue Zeit*» писал, что «...Каприви

достиг того, что проявляет гораздо больше понимания политических проблем сегодняшнего дня, чем это когда-либо удавалось Бисмарку... Пока существует это общество, оно не найдет лучшего рейхсканцлера, чем был Каприви...») [7, S. 162].

Однако широкое общественное мнение было настроено иначе. Бисмарк немедленно использовал позитивные отзывы социал-демократов как «партии переворота», чтобы организовать пропагандистскую кампанию против «левой» политики своего преемника. Грубая дипломатическая бестактность Каприви, когда он воспрепятствовал встрече Бисмарка с австрийским императором во время поездки первого канцлера в Вену и придал этому известность в прессе, предоставила его противникам дополнительную аргументацию. Возвращение Бисмарка превратилось в триумфальную поездку по Германии, в то время как Каприви оказался в изоляции по собственной вине.

Еще до этих событий позиции имперского канцлера в рейхстаге пошатнулись. Поводом к этому послужил законопроект «О народной школе». В нем школьное воспитание опиралось на конфессиональную почву, что встретило жесткое противостояние со стороны национал-либералов, свободомыслящих и свободных консерваторов. Вильгельм также не поддержал данный законопроект. Вслед за этим был отправлен в отставку министр культуры фон Зедлиц, ставленник Каприви, а также император назначил новым министром – президентом Пруссии видного деятеля Немецкой консервативной партии, автора знаменитого Исключительного закона против социал-демократов Бото цу Эйленбурга, отделив данную должность от должности рейхсканцлера. Через несколько месяцев Эйленбург стал также министром внутренних дел Пруссии. Каприви не усмотрел в этом потери своего влияния.

Поначалу казалось, что он прав. Ему удалось после многомесячных переговоров провести законопроект об армии, против которого изначально возражал Вильгельм II, так как одним из его базовых принципов было сокращение срока военной службы до двух лет. Кайзер, как и большинство военных, желал сохранить трехлетний срок, однако в итоге внял увещаниям Каприви. Только после роспуска рейхстага и новых выборов данный законопроект был принят в переработанном виде, но с сохранением всех принципиальных положений. Принято оценивать данный факт как огромный личный успех Каприви [8, S. 243].

Тезис представляется сомнительным, так как закон предсказуемо оказался крайне непопулярен в среде офицерства, которое воспринимало армейскую реформу Каприви как предательство интересов армии. Так канцлер потерял последнюю опору в обществе, расширив ряды оппозиции.

Следующий раунд борьбы был связан с представленным цу Эйленбургом законопроектом против «революционных тенденций». Оппоненты Каприви рассчитывали, что рейхстаг никогда не одобрит данный проект, создав тем самым повод для своего роспуска и проведения выборов. У следующего состава также вряд ли удастся добиться его одобрения, что можно использовать как аргумент не только для роспуска парламента, но и для изменения избирательного права, что, по выражению Эйленбурга, должно не только спасти монархию, но и привести, наконец, к отставке Каприви, который жестко отвергал новый исключительный закон против социалистов [5, S. 53]. Фактически это был план государственного переворота.

Его реализация вступила в решающую стадию, когда кайзер под влиянием убийства французского президента Карно решил порвать с профсоюзами и социал-демократией и в своей кенигсбергской речи призвал к борьбе против революционных партий [9, S. 274].

Каприви среагировал немедленно и подал прошение об отставке. И тут Вильгельм, как это уже бывало раньше, совершил свой очередной разворот на 180°, отклонил просьбу Каприви и выступил против Эйленбурга. Однако вскоре оба были отправлены в отставку после публикации в «*Kölnische Zeitung*» некоторых деталей разговора между канцлером и кайзером [5, S. 52].

В целом, в отношениях с кайзером Каприви сохранял самостоятельность и зачастую преодолевал сопротивление императора и его окружения. Так было в отношении военной реформы, во внешнеполитической сфере, в отношении рабочего движения. Неудивительно, что он вызывал раздражение не только консерваторов, но и ближайшего окружения Вильгельма и периодически его самого. Позиция сильного самостоятельного канцлера не вписывалась в стремление императора к установлению режима личного правления.

Рейхстаг отнесся к преемнику Бисмарка поначалу настороженно, его «новый курс» реализовывался через преодоление сопротивления различных фракций. Вместе с тем, Каприви привнес в политическую жизнь Германии качественно новые черты – он отказался от авторитаризма своего предшественника в отношениях с рейхстагом и был открыт к сотрудничеству со всеми политическими силами.

Хлодвиг цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрст во многом представлял собой противоположность Каприви. Будучи чрезвычайно осторожным и щепетильным бюрократам, достигшим к моменту назначения рейхсканцлером 75 лет, он не желал преодолевать сопротивление императора, но периодически был вынужден это делать. Свое политическое кредо Гогенлоэ

определял как умеренный либерализм, которого государственный деятель придерживался на протяжении всей своей политической карьеры. Это был единственный канцлер Германской империи непрусского происхождения.

Он критически относился к конституционным порядкам, считая большой проблемой то обстоятельство, что правительство не могло опереться на партийное большинство в рейхстаге. Причиной такого положения он полагал всеобщее избирательное право, введение которого рассматривал как роковую ошибку Бисмарка. С помощью всеобщего избирательного права два врага империи – социал-демократы и ультрамонтанисты – получили возможность парализовать консервативно-либеральную работу правительства [10, S. 485]. Так как Гогенлоэ отвергал для себя путь насилия, а соответственно, и изменения конституции, ему оставалось только проявлять выдержку и терпение в работе с тем составом рейхстага, который складывался после выборов.

Впрочем, эта работа в большей степени была задачей ближайшего помощника канцлера, который изначально рассматривался кайзером как переходная фигура и своего рода «местоблюститель» поста высшего имперского чиновника, пока шел поиск наиболее подходящей кандидатуры преемника. Под влиянием своего ближайшего окружения Вильгельм II назначил помощником (с дальним прицелом – как возможного преемника) почтенного канцлера близкого к нему Адольфа Маршала фон Биберштейна, знатока прусских традиций, прекрасного оратора, ориентировавшегося в расстановке сил в рейхстаге. В то же время Вильгельм всячески демонстрировал близкие, семейные отношения с Гогенлоэ (тот был в родстве с домом Кобургов, а также Шлезвиг-Гольштейнов).

Период канцлерства Гогенлоэ-Шиллингсфюрста – 1894–1900 гг. – стал временем масштабных изменений в Германии. В это время окрепла ее промышленная мощь, на смену «новому курсу» Каприви пришел «зигзаг-курс» следующего кабинета, целью которого было установление прочного социального согласия. Но если в середине 1890-х гг. Гогенлоэ не поддержал проведение через рейхстаг нового исключительного закона против социалистов (сторонником которого выступил кайзер), то в 1897 г. обозначилась тенденция к «политике сплочения» короны, правительства, политических партий и общественных сил в лице аграриев и промышленников.

Самым крупным мероприятием собственно рейхсканцлера и его окружения стало принятие военно-уголовно-процессуального кодекса. В нем, в частности, предусматривалась гласность военных судебных процессов, что вполне соответствовало нормам буржуазного права. Законопроект был по-

пулярен в среде либеральной общественности, но встретил сопротивление ближайшего окружения кайзера и военной элиты. Гогенлоэ, который провел аналогичное законодательство в Баварии, занимая там пост премьер-министра в 1860-е гг., выступил последовательным сторонником законопроекта. Борьба вокруг него началась в 1893 г. и завершилась подписанием закона императором в 1898 г., а на всей территории Германии он вступил в силу с 1 октября 1900 г., спустя несколько недель после отставки Гогенлоэ.

В целом, однако, в 1894–1900 гг. рейхсканцлер не выступал в качестве самостоятельной фигуры в системе политических институтов Германской империи и не играл активной роли в сфере публичной политики. В отношениях с кайзером Гогенлоэ занимал чаще всего выжидательную позицию: не считая возможным и рациональным открыто противоречить Вильгельму, стремившемуся изменить конституционный порядок за счет расширения своих полномочий, канцлер фактически поддерживал рейхстаг и в вопросе о новом исключительном законе против социал-демократов, и в отношении противодействия планам безудержного военно-морского строительства. Вместе с тем, канцлер, не имевший личных связей с представителями политических фракций, не имел в рейхстаге прочных позиций. Данные обстоятельства способствовали укреплению режима личного правления Вильгельма II. Поворотным пунктом в этом отношении стал 1897 г., когда Маршал был отправлен в отставку, новым статс-секретарем Вильгельм назначил ставленника своего ближайшего окружения Б. фон Бюлова, в котором видел преемника Гогенлоэ, а во главе адмиралтейства оказался А. фон Тирпиц. Гогенлоэ продержался еще несколько лет, будучи практически отстраненным от всех властных рычагов. Подавая в отставку, он отмечал, что все внутри- и внешнеполитические мероприятия последних лет были осуществлены без его ведома [11, S. 540].

Популярнейшим канцлером после Бисмарка стал Бюлов. Он привнес с собой в общественный дискурс те понятия, которые очень точно определяли жизнь немцев в это время. В повседневный политический лексикон вошли его меткие выражения «место под солнцем», «мировая политика». Он больше, чем любой другой канцлер, обращал внимание на общественное мнение и использовал его в своей деятельности.

После вступления в должность он сразу взял бразды правления в свои руки, назначая на ключевые чиновничьи должности людей, близких себе по мировоззрению. Одновременно он стал ограничивать влияние Филиппа цу Эйленбурга. Это проявлялось в контроле над информационными потоками, которые шли из Вены (где Эйленбург выполнял функции по-

сла) в Берлин и в обратном направлении. Также он сделал своим доверенным лицом тайного советника Фридриха фон Гольштейна, после отставки Бисмарка ключевую фигуру в министерстве иностранных дел [12, S. 234]. Совместно они определяли внешнюю политику Германии до 1906 г.

Главной опорой Бюлова и гарантом его стабильности был непосредственно кайзер. Бюлов довел до совершенства способы удерживать Вильгельма от вмешательства в ежедневную политику. В отличие от Каприви, который противоречил Вильгельму и тем самым злил его, и от Гогенлоэ, который уступал, но затем постоянно ворчал, Бюлов поначалу поддерживал любое предложение кайзера, однако затем с помощью осторожных ремарок и размышлений приводил Вильгельма к противоположному мнению, которое тот сам и высказывал.

Активизация военно-морского строительства в конце 1890-х гг. требовала огромных средств, и особую роль приобретало умение взаимодействовать с рейхстагом. Во внутривополитических вопросах Бюлов полагался исключительно на свои личные отношения с лидерами ряда политических партий рейхстага. В отличие от кайзера и советников из его окружения, он не был обременен ни репутацией политика, предпринимавшего меры против католиков, ни сторонника урезания конституционных свобод и полномочий парламента. Он был свободен от груза прежних обещаний или враждебности каких-либо политических сил, более того, он вел себя как человек, готовый выслушать всех и открытый к установлению новых связей. Он льстил лидерам партий, рассчитывая завоевать их симпатии, однако периодически переоценивал влияние своего обаяния.

Его первым крупным парламентским успехом стало привлечение в проправительственную коалицию партии Центра, что было жизненно необходимо для обеспечения финансирования военно-морских программ. Собственно, строительство ВМФ и образовывало стержень как внешней, так и внутренней политики страны, определяя рамочные условия почти всех действий имперских властей. Инициатором данного курса выступал не канцлер, а император, и флот был его любимым детищем.

Также Бюлову удалось провести через рейхстаг в 1902 г. новое тарифное законодательство и добиться заключения ряда торговых договоров в 1902–1906 гг. с целью кризисных явлений в сельском хозяйстве Германии и обеспечения продовольственной независимости страны.

Своим же главным внутривополитическим достижением Бюлов полагал внедрение в общественное сознание германской национальной идеи в империалистической трактовке. Просчитать отдаленные последствия этого своего успеха он не сумел, никогда

открыто так и не признав своего вклада в подталкивание Германии к Первой мировой войне.

В целом, Бюлов получил возможность в 1902–1906 гг. опираться в рейхстаге на консерваторов, либералов и клерикалов. Консенсус этих политических сил не мог быть прочным в силу различий в их политическом мировоззрении, что проявлялось неоднократно и в конечном итоге стало поводом к отставке рейхсканцлера. Истинная причина заключалась в утрате доверия к нему императора после печально известной «Аферы Дейли-Телеграф», однако конституционный порядок исключал возможность вывести эту причину в публичную плоскость. В июле 1909 г. консерваторы и национал-либералы разошлись в отношении к финансовой реформе, консерваторы проголосовали против правительства, и Бюлов был вынужден подать в отставку, вскоре принятую императором [5, S. 85].

В качестве своего преемника Бюлов рекомендовал Т. фон Бетмана-Гольвега, министра-президента Пруссии и главы прусской дипломатии. Новому рейхсканцлеру пришлось опираться на так называемую «черно-голубую коалицию» (консервативно-клерикальный блок). Новое назначение было воспринято рейхстагом настороженно – с Бетманом-Гольвегом связывали некоторые надежды на либерализацию внутривнутриполитической жизни левые фракции, консерваторы заняли выжидательную позицию.

По большому счету, новый канцлер действовал в рамках так называемой «реальной политики»: тщательно взвешивая каждый свой шаг, он принимал решения, которые, с его точки зрения, было возможно реализовать. Так, в 1910 г. в Пруссии поднялось массовое движение против трехклассной избирательной системы, однако успеха оно не добилося, Бетман-Гольвег отступил перед жестким сопротивлением реформе со стороны кайзера. Вместе с тем, в 1911 г. он добился изменения правового статуса Эльзас-Лотарингии, где был введен двухпалатный ландтаг и ликвидировалось прямое правление императора [5, S. 93].

Однако главную часть германской политической повестки в эти годы составляли внешнеполитические вопросы, и прежде всего преодоление внешнеполитической изоляции. Бетман-Гольвег видел решение данной задачи в сближении с Великобританией, чему отчасти могло способствовать перенаправление военных расходов империи, которого канцлеру удалось добиться в 1912 г.: вместо очередного витка военно-морского строительства средства были направлены на существенное увеличение сухопутной армии. Характерно, что добиться этого канцлеру удалось, опираясь на СДПГ, так как консерваторы в это время боролись против прямого налогообложения и оказались в оппозиции правительству.

Начавшаяся Первая мировая война способствовала временной консолидации немецкого общества вокруг монарха, однако «августовское чудо 1914 г.» продержалось недолго. Война стала фактором, переформатировавшим в значительной мере матрицу политической жизни Германской империи.

Сложившийся в период Второй империи в Германии баланс сил между различными ветвями власти устраивал большинство партий (за исключением социал-демократов и левых либералов). Они не стремились получить доступ к высшим постам в бюрократическом аппарате, не выступали против того обстоятельства, что канцлерами и государственными секретарями имперских ведомств становились выходцы из бюрократической среды.

Собственную политическую позицию в рейхстаге представляли фактически лишь Бисмарк, уверенно дирижировавший парламентом, и Каприви, искавший гражданского и политического компромисса. Начиная с Гогенлоэ, рейхсканцлеры превратились исключительно в проводников воли кайзера, складывался режим личного правления Вильгельма II при сохранении конституционных полномочий рейхстага. На этом фоне институт канцлерства терял свои позиции как один из полюсов силы. Рост вовлеченности населения страны в политическую жизнь через участие в выборах и общественное движение способствовал укреплению парламентской системы.

В последней фазе Первой мировой войны партии решились на парламентаризацию, осуществив ее в течение короткого интервала времени, вопреки колеблющейся позиции имперского руководства. На заседании 26 октября 1918 г., последнем при монархии, национал-либералы, левые либералы, социал-демократы и Центр санкционировали соответствующие изменения конституции. В новой редакции ст. 15 рейхсканцлеру при исполнении его обязанностей требовалось доверие парламента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания : в 3 т. / О. Бисмарк ; пер. с нем. под ред. А. С. Ерусалимского. – М. : ОГИЗ, 1940–1941. – Т. 2. – 288 с.
2. Конституция Германской империи. 16 апреля 1871 г. // Собрание конституционных актов. – М., 1905. – Вып. 1. – С. 27–46.
3. Fenske H. Deutsche Parteiengeschichte : von den Anfängen bis zur Gegenwart / H. Fenske. – Paderborn ; München ; Wien ; Zürich : Schöningh, 1994. – 363 S.
4. Fenske H. Deutsche Verfassungsgeschichte : vom Norddeutschen Bund bis heute / H. Fenske. – 3., erw. und aktualisierte Neuauf. – Berlin : Colloquium Verlag, 1991. – 164 S.
5. Die deutschen Kanzler : von Bismarck bis Schmidt / Sternburg Wilhelm von, [Hrsg.]. – Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1987. – 472 S.

6. Die Reden des Grafen von Caprivi / R. Arndt (Hrsg.). – Berlin: Ernst Hoffmann&Co., 1894. – 424 S.

7. *Mehring F.* Der Ausgang der Aera Caprivi / von Franz Mehring. – [Electronic ed.]. – 1895. – 1 Online-Ressource // Die neue Zeit : Revue des geistigen und öffentlichen Lebens. 13. 1894-95, 1. Bd. (1895), H. 6, S. [161]–164. – URL: <http://library.fes.de/cgi-bin/nzpdf.pl?dok=189495a&f=161&l=164>

8. Das deutsche Kaiserreich 1867/71 bis 1918. Bilanz einer Epoche / D. Langerwiesche (Hrsg.). – Würzburg : Freiburg : Verlag Ploetz, 1984. – 254 S.

9. Die Reden Kaiser Wilhelms II. In den Jahren 1888–1895 Gesammelt und herausgegeben von Johs. Penzler. Wilhelm II. – Leipzig : Reclam o.J., 1896. – 360 S.

10. Denkwürdigkeiten des Fürsten Chlodwig zu Hohenlohe-Schilligsfürst : in 2 Bd. / F. Curtius (Hrsg.). – Stuttgart und Leipzig : Deutsche Verlagsanstalt, 1907. – Bd. 2. – 565 S.

11. *Zachau O.* Die Kanzlerschaft des Fürsten Hohenlohe 1894–1900. Politik unter dem „Stempel der Beruhigung“ im Zeitalter der Nervosität / O. Zachau. – Hamburg : Verlag Dr. Kovač, 2007. – 595 S.

12. *Bülow B.* Denkwürdigkeiten / B. Bülow. – Bd. 1: Vom Staatssekretariat zur Marokko-Krise. – Berlin : Ullstein, 1930/31. – 634 S.

*Воронежский государственный университет
Солодовникова С. В., кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения*

E-mail: solodovnikova_sv@mail.ru

*Voronezh State University
Solodovnikova S. V., Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of History of Foreign
Countries and Oriental Studies*

E-mail: solodovnikova_sv@mail.ru